

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА
В КОНТЕКСТЕ ЭНЕРГИЙНО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ОСМЫСЛЕНИЯ
ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

В. И. Павлов

19 марта 2011 г. исполняется 90 лет со дня рождения Иосифа Александровича Юхо (1921–2004) – выдающегося отечественного историка права, человека, на чьих учебниках выросло не одно поколение правоведов. Сегодня научное наследие И. А. Юхо составляет доминирующую часть в исследовательской традиции истории государства и права Беларуси. Белорусская историко-правовая школа И. А. Юхо является пионером постсоветской правовой истории и остается практически единственной ветвью, определяющей направление развития белорусской историко-правовой науки. По крайней мере, судя по учебной литературе, которая отвечает за формирование национального историко-правового сознания на образовательном уровне, можно говорить о том, что белорусская история права сегодня основывается на тех позициях, которые задал Иосиф Александрович.

Говорить об истории права вне общей истории малопродуктивно, хотя, конечно, возможно. В этой связи нам кажется неоспоримым тезис о том, что уровень развития историко-правовой науки зависит от уровня развития общей истории. Несомненно, у государственно-правовой истории есть свои

особенности, заключающиеся, например, в специфике той реальности (правовой реальности), с которой имеет дело историк права. Тем не менее определяющий характер общеисторического материала, обеспечивающий воссоздание контекстуальной среды, в историко-правовых исследованиях не подлежит сомнению. Общая же история является составной частью единого гуманитарного знания и в его структуре выполняет свою роль и значение.

Гуманитарные дисциплины всегда объединяются некоторой единой осевой методологической ориентацией, одной исследовательской программой, которая доминирует в тот или иной период времени. Не чужда этого и история права. В связи с этим мы хотели бы поговорить здесь не столько о конкретных историко-правовых проблемах, сколько о подходах, стилях, типах историко-правового мышления, которые сегодня определяют и задают направленность этого вида познания.

Касательно господствующих в гуманитарном знании методологических установок современную отечественную историко-правовую науку следует отнести к классическому или позитивистско-фактологическому направлению (экономическая, политическая, социальная история и др.). Школа И. А. Юхо, равно как и большинство работающих сегодня отечественных историков права, делают это в классической парадигме. Особенность классики в правовой истории заключается в рассмотрении основного объекта историко-правовой науки – юридических текстов (кодексов, привилеев, грамот и т. д.) *в качестве самостоятельных и определяющих (ведущих)* фрагментов правовой реальности. При этом реконструкция правовой реальности происходит, как правило, изолированно от иных слоев реальности. Нормативность при таком подходе рассматривается в качестве эссенциальной, субстанциально задающей структуры, которая формирует все юридическое поле.

На протяжении более чем двух столетий классическая установка в историко-правовых исследованиях являлась господствующей. Однако в XX в. она была существенно подвергнута критике неклассическим направлением в истории (история ментальностей, микроистория, историческая антропология, история ценностей и др.) на основании кризиса позитивистской философии, на базе которой и был сформирован классический взгляд на познание исторической реальности. Кризис классических оснований был связан с активным развитием в XX в. философии языка. В частности, открытия структурализма, а затем и постструктурализма, идеи деконструктивизма и постмодернистской мысли поставили под вопрос многие классические постулаты. В целом неклассическая теория выставила претензии классической исторической школе, которые в самом общем виде можно свести к следующим:

- 1) история есть проекция на мир форм нашего разума (Х. Уайт);
- 2) прошлое невозможно адекватно перевести на язык современности;
- 3) описание социальной реальности является составной частью самой этой реальности, обусловленной конструированием господствующих представлений о ней (П. Рикёр) [18, с. 9–13; 14, с. 67–68].

Постмодернистская оценка исторической реальности лишь как дискурсивного конструкта («операция создания вербального вымысла» по Х. Уайту), конечно, является крайне радикальной, поскольку это примерно то же самое, что сказать: «вчерашнего дня не было, был лишь текст/разговор о нем». Однако, как справедливо отмечает Ф. Анкерсмит, интерпретируя М. Фуко, необходимо четко отличать текст («слова») от самой внетекстуальной реальности («вещей»), которая все-таки была [19, с. 208–209]. Другое дело – это ее историческое описание, и здесь акцент должен быть сделан не на словах (описание фактов в источниках), а на *взаимосвязи между словами и вещами* – т. е. при каких обстоятельствах, под воздействием каких условий, кем, как и т. д. совершался нарратив. Иными словами, как говорит А. И. Филюшкин, нам не следует забывать, что «есть и прошлое как объективная реальность, и дискурс как независимый исторический фактор» [14, с. 75]. Приблизительно такой постулат был сформулирован на XVIII Международном Конгрессе исторических наук в Монреале в 1995 г. (Л. Стоун, Р. Шартье, Дж. Иггерс, Г. Спигел, П. Бурдьё) [См.: 13, с. 75]. Историческое научное сообщество пришло к выводу о необходимости сосредоточения внимания на стратегии исторического исследования и, что немаловажно в контексте нашей темы (что станет понятно из последующего изложения материала), на стратегии конструирования познаваемого социального бытия *посредством культурной практики*. В обзорных статьях Л. П. Репиной, А. И. Филюшкина и ряда других авторов представлены различные контрапозиции по отношению к «постмодернистским вызовам» [11; 14].

В целом же следует сказать, что, несмотря на критическое отношение к крайнему радикализму постмодернистской концепции истории, тем не менее большинство ведущих методологов истории больше склоняются к положительной оценке постнеклассических историософских сдвигов, нежели к их неприятию. Концепция неклассической истории, следовательно, представляет собой не просто экстравагантную композицию тотального отрицания традиционной исторической работы – она сигнализирует о серьезных проблемах, которые накопились более чем за 200 лет классической истории права. Особенно сильна оказалась критика конструирования историко-правового нарратива из ресурсов господствующего властного дискурса и личностных антропологических структур – структур исследователя (выделенные нами выше пункты 1 и 3). В этом смысле (что особенно за-

метно сегодня в работах как положительно, так и отрицательно настроенных к государственной рациональности историков права) можно сказать, что любой историк права приступает к исследованию уже во многом со сформированным историко-правовым гештальтом, который, в свою очередь, обуславливается как позицией (и местом) исследователя по отношению к государственной рациональности, так и личностной техникой, «практикой себя», задающей жизненный мир и сетку личностных предпочтений (характерен пример различной интерпретации одних и тех же исторических фактов историками права Литвы, Польши, Украины, Беларуси). Причем это происходит как бы незаметно, историк нередко даже не замечает, как происходит отпечатывание, своего рода наслоение его личностных структур на описываемую им картину исторической реальности. Относительно отечественной историко-правовой науки это положение актуально вдвойне, поскольку наша самостоятельная исследовательская историко-правовая традиция имеет в своем запасе лишь небольшой промежуток времени и, что самое важное, специфика именно отечественной правовой истории, равно как и отечественной истории вообще, ввиду уникального геополитического и цивилизационно-культурного положения, которое занимали земли наших предков, заключается в пересечении здесь различных государственных (а значит политических) и цивилизационно-культурных интересов.

В связи с этим сегодня возникает целый ряд вопросов: какова должна быть задача современной историко-правовой науки в условиях неклассической рациональности? Стоит ли использовать государственную рациональность для конструирования историко-правовой реальности или нет? Как относиться к неклассическим подходам историко-правового познания? В конце концов, необходимо ли институализировать, упаковывать неклассические подходы в учебники? Мы уверены, что эти и многие другие вопросы отечественной историко-правовой науки придется решать в XXI ст.

Понятно, что ответы на поставленные вопросы будут во многом определяться той научной традицией, в рамках которой формируется и работает исследователь. В связи с этим важно отметить, что предпочтения научной школы в выборе парадигмы историко-правового исследования составляют ценностный элемент стратегии исследования. Выбор шкалы ценностей, определяющий, соответственно, и способ, и направление разворачивания и, как следствие, итоговую картину дескрипции историко-правовой реальности, является в некоторой степени плюральным, произвольным, и, что главное, – *оценочным по своей природе*, поскольку он своими основаниями *укореняется не в поле научного инструментария и не в фактологической работе, а в тех антропных практиках и стратегиях, которые своеобразно сцеплены с научным мировоззрением и исследовательским сознанием аген-*

та историко-правового познания (эти практики и стратегии, впрочем, также можно именовать инструментарием). Скажем, историко-правовое описание, основанное на либеральной парадигме, представляет развитие в Статутах ВКЛ новоевропейских правовых принципов как фактор, благоприятствующий развитию цивилизационно-культурного организма наших предков [3; 6]. Напротив, представители критической линии по отношению к либеральной доктрине рассматривают, в свою очередь, развитие «шляхецкой дэмакратыі» как фактор, приведший к упадку литовской государственности [1; 5]. Таких примеров можно найти немало, и апелляция к ценностным аргументам в этом случае доказывает фактическую невозможность критики – это дело исследовательской оценки и избранного той или иной научной школой ценностно-правового гештальта – какую политико-правовую модель считать благоприятной для развития государства, а какую нет, причем, что интересно, фактологическое поле при этом также просеивается через соответствующие гештальтные историко-правовые интерпретации.

Здесь важен также и другой момент. Как мы говорили выше, феномены абсолютной релятивизации (наподобие феномена исторической концепции А. Фоменко) и [пост]неклассические проекты, ставящие вопросы такого же типа, тем не менее в таком виде приняты быть не могут. Другое дело, что сегодня действительно следует признать факт открытия целого пласта проблем классической рациональности, игнорировать которые – значит просто «закрывать глаза» на очевидные вещи. На наш взгляд, *современные стратегии историко-правового познания должны строиться с учетом условий неклассической рациональности*, в том числе с обращением внимания на те положения, на которые мы указали выше.

В этом смысле для историка сегодня одной из важнейших задач является *рефлексия относительно принадлежности к определенной ценностной сетке*, как мы указали выше, непременно связанной с антропными техниками. В истории права, что немаловажно, ценностная сетка погружена в юридическое теоретико-методологическое концептуальное поле, из недр которого и прочитывается основной предмет интереса историка-правоведа – право как прошлое. Поскольку историк права работает со специфическим пластом реальности – с реальностью правовой, одним из важнейших вопросов становится вопрос *понимания этой реальности, т. е. понимания права*, который классической правовой историей как таковой не рефлексировался. Нередко историки права приступают к дескрипции правовой реальности на позитивистской платформе, представляющей нормативную реальность в качестве единственно задающей параметры правового прошлого, даже не осознавая данный факт. Эта позиция исходит из классической установки, согласно которой единственным достоверным историче-

ским источником является нормативный текст, однако сегодня нормативистская концепция правопонимания сталкивается с колоссальными трудностями. В работах современных отечественных и зарубежных правоведов С. А. Калинина, А. В. Полякова, И. Л. Честнова, А. И. Овчинникова, В. Майхофера, В. Кравица, Р. Алекси и др. [4; 12] рассматриваются различные стратегии преодоления классического типа правопонимания, среди которых ведущими являются коммуникативная, социолого-антропологическая, герменевтическая, феноменологическая, религиозно ориентированная позиции. Все они солидаризуются в отказе от упрощенного понимания правовой реальности как реальности только нормативной, а это означает, что *и в прошлом право следует пытаться понимать несколько иначе, чем просто анализировать совокупность правовых актов-памятников права*. Тем паче, что социальная реальность прошлого была структурирована весьма специфическим образом. Отдельные сегменты реальности, такие как религиозная (духовная) традиция в Средние века, например, весьма серьезно задавали параметры и понимания права, и правового сознания, следовательно, формировали юридическое поле, в котором нормативные тексты находили весьма специфичное восприятие со стороны населения. После замечательных работ Г. Дж. Бермана по формированию права на Западе игнорировать такие стратегии познания просто некорректно, сегодня появляются и иные работы подобного рода [2].

Поэтому, отметим еще раз, сегодня основная задача заключается в построении таких стратегий историко-правового познания, которые бы учитывали условия неклассической рациональности. Конечно, для такой работы исследователь должен быть не только историком права, но еще как минимум и теоретиком, социологом права и пр., что, впрочем, также составляет требование неклассического познания как его междисциплинарности.

Разрабатываемый нами подход к пониманию правовой реальности [См.: 7–10] содержит в себе методологические основания для дескрипции всего юридического поля, в том числе историко-правового. Перед тем как показать возможности его разворачивания в историко-правовом поле, кратко остановимся на теоретико-методологическом описании подхода.

Мы уже упоминали о том, что классическая историко-правовая эпистемология основывается на позитивистских принципах, поэтому в XX ст. она вслед за позитивистской философией претерпела значительный кризис. В новых (неклассических) исторических концепциях происходит деконструкция позитивистской платформы исследований, распрямление позитивистской картины историко-правовой реальности. Основной акцент делается на уже упоминавшемся постулате, выдвинутом историками на XVIII Международном Конгрессе исторических наук в 1995 г. – к дескрипции историко-правовой реальности следует приступать *в условиях ясного реф-*

лексирования историко-правового дискурса, во-первых, современного нам, из которого мы осуществляем историко-правовую дескрипцию, и, во-вторых, дискурса, в котором формировались предметные источники (правовые акты, документы и пр.) вскрываемого исторического периода. При этом введение самого концепта «дискурс» призвано справиться с решением проблем, выявленных неклассическими школами. Введение неклассическими школами подобного рода методологических концептов имело целью, с одной стороны, четко осмыслить историко-правовое прошлое как наличную реальность, и, с другой – дискурс как габитус, стиль, стратегию, технику схватывания этой реальности в мыследеятельности той или иной эпохи.

Вслед за введением концепта «дискурс» возникает проблема дискурсивных содержаний, т. е. базового основания дискурс-анализа. В качестве такого основания могут выступать различные содержания: например, тот же М. Фуко, стараясь не концентрироваться на каком-либо едином основании, тем не менее в качестве такового выделял властные отношения в условиях нивелирования субъекта, хотя в последний период своего творчества мыслитель вернулся к проблеме этики субъекта. Мы же полагаем в качестве такого основания *антропологию неклассического типа*, т. е. антропологически ориентированное прочтение историко-правовой реальности.

Тема «возвращения человека» в гуманитарное поле является одной из ключевых тем XX ст. Концепт «смерть субъекта» (М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева и др.) напрямую касается и правовой реальности. В новоевропейской (классической) юридической рациональности реально действующий в праве человек, человек во всей системе своих конститутивных признаков – личностной конституции и идентичности – был редуцирован до модели «субъект права». И хотя такая редукция в рамках становления новоевропейской традиции, возможно, и была оправдана (как необходимое условие формализации для эффективной работы с этим понятием в рационалистически фундированной системе), это не оправдывает невозможность классической традиции сегодня объяснять человека и его поведение, например, постчеловека, человека-предприятие (М. Фуко), человека виртуального, медийного, человека, практикующего личностные техники трансгуманизма [20; 21] и т. д.

Неклассическая антропология, используемая нами в качестве эпистемологического основания, использует достаточно специфичный для юридического поля методологический ресурс, а именно уже упоминавшиеся нами так называемые «практики себя». В России сегодня активно развивается целая научная школа – школа синергийной антропологии (основатель Хоружий Сергей Сергеевич), которая описывает антропологическую реальность через «практики себя». При этом центральной темой в синергийной антропологии – а для исторического анализа это особенно актуально –

является изучение именно духовных практик, в которых большую часть времени формировался исторический человек (например, человек Средневековья) и который описывался, понимался специфическим аппаратом самой духовной традиции, которая уже затем экспортировала эти гносеологические модели в право, политику, культуру.

Обращение к антропологической теме («антропологический поворот») произошло в западноевропейской гуманитаристике во второй половине XX в., и не случайно на том же упоминавшемся конгрессе историков была выработана позиция о необходимости сосредоточения внимания историков на стратегии конструирования познаваемого социального бытия именно посредством культурной практики, которая состоит из этих самых антропологических практик. М. Фуко на примере Древней Греции («тысячелетие заботы о себе») показал, что конститутивным элементом цивилизационно-культурного организма во многом является не что иное, как господствующие в обществе так называемой «практики» или «техники себя» (*epimeleia heautou*) [15].

Что в теоретико-методологическом плане дает антропологическая эпистемология для познания правовой реальности? В самом общем виде можно сказать, что она дает возможность преодолеть недостатки классицизма, в первую очередь, посредством переосмысления картины правовой реальности с нормативно фундированной на дискурсивную, энергийно-правовую, которая, в свою очередь, заполняется антропологическими содержаниями (энергиями). В энергийном преломлении правовая реальность рассматривается уже не как независимое от правового человека (субъекта права) пассивное, нормативно заданное юридическое содержание (так называемое объективное право), но как пластичное и нуждающееся в доопределении [нормативности] за счет конкретных антропологических ресурсов юридическое поле, которое разворачивается в актах правовой коммуникации. Иными словами, если классическая теория рассматривает юридическую практику (наиболее близко сопоставимое понятие в классической теории) как реализацию юридической теории (нормативности), причем субъекту правореализации в этом случае отводится лишь роль автомата по переводению нормы в жизнь (по образцу силлогизма), то энергийно-правовая позиция воспринимает нормативность лишь как своего рода базовый строительный материал, работая с которым в конкретной юридически значимой ситуации практик формирует актуальную [дискурсивную] картину правовой реальности, включая в нее значительные личностные антропологические содержания. Именно поэтому, ввиду задействования антропологического фактора через «практики себя», таким образом проектируемый юридический дискурс мы именуем *энергийно-правовым дискурсом*, что указывает на дискурсивность, которая разворачивается посредством энергийной активности субъекта. Под самим же *юридическим* или *право-*

вым, дискурсом мы предлагаем понимать сложную совокупность языковых практик и внешних к ней проявлений (практик языка юридической рациональности и значимого для понимания текста правового поведения), разворачивающихся на фоне нормативности и в сложном соотношении с ней.

Характеристика антропологических практик составляет отдельный вопрос, который в данной публикации мы сознательно не затрагиваем [См.: 17], хотя из определения понятия юридического дискурса можно увидеть включение поведения (формального, контекстуального и пр.) и языковых практик. Единственное, что можно отметить здесь по ходу изложения, так это то, что в отличие от классического концепта юридической практики, которая, как мы уже отмечали, выступает своего рода классическим аналогом дискурсивности, энергично-правовой дискурс акцентирует внимание на ряде вещей, ускользающих от классической артикуляции. Так, если юридическая практика представляет собой фактическую реализацию нормативности и имеет в виду именно эссенциальные (сущностные), т. е. нормативные рамки ее реализации (например, правоприменительные производства, оцениваемые опять же через формально-правовой анализ правоприменительного процесса и акта применения права), то дискурсивные юридические практики оцениваются во взаимоналожении следующих элементов:

- а) нормативность (правотворчество и его результаты);*
- б) языковая юридически значимая практика;*
- в) сопровождающее ее юридически значимое поведение (в том числе правореализация);*
- г) человек в праве (взамен нивелированного классического субъекта права).*

Причем практики оцениваются также на фоне артикуляции *господствующего типа юридической рациональности*, который (тип) также является составляющим элементом практик. Это в совокупности имеет цель воссоздать контекстуальную (=реальную) среду разворачивания права. В традиционной же юридической практике из поля правового анализа как таковые выпадают *субъект (практик, человек в праве), часть юридически значимого поведения* (целый пласт антропологических проявлений – так называемые пред-акты, подразумевания и прочие проявления, образующие контекстуальные среды), *язык юридически значимой практики* и *господствующая юридическая рациональность*, что, на наш взгляд, серьезно искажает видение правовой реальности.

Возвращаясь к нашей проблеме историко-правового познания в условиях неклассической рациональности через три заключительных обобщения, попытаемся наложить представленную методологическую модель на отечественную историю права.

Во-первых, из теоретико-методологического описания энергийно-правового дискурса становится понятно, что приступая к дескрипции правового прошлого, следует отказаться от позитивистских моделей понимания права и государства лишь через тексты. Выделенные нами 5 элементов (нечто похожее на диспозитив М. Фуко), имеющие целью описать историко-правовой дискурс, должны быть отработаны и установлены для каждого периода отечественной истории права. Только в таком ансамбле можно адекватно понять реальное значение того или иного правового акта. Изолированный же позитивистский анализ текста самого по себе (например, повсеместно встречающиеся в научной литературе характеристики «прогрессивных положений Статутов ВКЛ») не отвечает современным задачам историко-правовой науки. Например, принятие и доработка на протяжении XVI ст. Статутов ВКЛ (в трех редакциях) не сопоставляется с тенденцией заметного упадка литовской государственно-правовой традиции в этот же период времени и начинающимся процессом полонизации ВКЛ.

Во-вторых, выделение и описание указанных элементов (напомним еще раз: а) нормативности; б) языковой юридически значимой практики того или иного периода; в) сопровождающего эту практику юридически значимого поведения; г) образа человека в праве и д) господствующего типа юридической рациональности) должно быть представлено в составе *дискурсивных формаций*, которые должны быть определены для каждого периода отечественной истории права (можно использовать иной термин – *«государственно-правовая традиция»* [См.: 7]). Традиционно периодизация основывается на видах государств (Древние княжества, ВКЛ и т. д.) и/или формационном подходе (феодалное государство, государство периода становления капиталистических отношений и т. д.). Однако при этом упускается из вида существенный когнитивный пласт, не дающий возможности представить реальную юридическую архитектуру и, соответственно, вскрыть динамику, объяснить переходы и следствия развития тех или иных элементов в определенный исторический период. Если относительно властных отношений (конфигурации власти) в классической периодизации еще можно зафиксировать определенные пороги, то, например, культивируемые обществом «практики себя», а также дискурсы-знания как эпистемологические планы осмысления мира, остаются вне поля зрения. Несомненно, что описание выделенных элементов должно быть связано с описанием основных для отечественной истории религиозных (духовных) традиций (православие, католицизм, униатство, протестантизм) по их отношению, месту, технике встраивания и размещения в государственной рациональности. Для выделения дискурсивных формаций немаловажно также подключение к истории права и истории правовой мысли, что на сегодняшний день практически не делается. А ведь импортирование идей, на-

пример, по типу «византийская vs западноевропейская модели правового государства» в тот или иной период отечественной истории права является ключевым моментом для формирования дискурсов-правил как стратегий построения и понимания правовых текстов и правовой реальности в целом в конкретный исторический период.

В-третьих, и это, на наш взгляд, самое главное: дискурс-анализ призван разрешить вопрос о государственно-правовой идентичности, которая является одним из центральных элементов отечественной цивилизационно-культурной идентичности как таковой. Возвращение и повторение в истории содержательно типичных социокультурных ситуаций как вызовов Беларуси *настоятельно требует обнаружения собственной культурно-исторической субъектности и ее встраивания в современную государственно-правовую реальность*. В связи с этим полагаем, что ограничение классическим прочтением историко-правового прошлого, которое заключается в попытке самодостаточного извлечения только выгодных историко-правовых фрагментов, не способствует подлинному самопониманию. Например, наложение сегодня на историко-правовую реальность неолиберальной парадигмы (объяснение активного разворачивания в ВКЛ в XV–XVI вв. формально-юридического дискурса с вытеснением религиозно-нравственным необходимым, а следовательно, якобы естественным и вполне нормальным стремлением к построению правового государства) означает просто ангажированное набрасывание аксиологического гештальта на отечественную правовую историю, не дающее понимания динамики и ключевых фаз развития отечественной правовой истории.

В этом плане представленная нами позиция историко-правового познания требует описания дискурсивных формаций с выделением в них места и значения каждого из элементов с последующим установлением как *позитивных трендов, обеспечивающих воспроизводство и трансляцию государственно-правовой идентичности Беларуси, так и негативных трендов, приводивших к упадку государственно-правовой идентичности*. Для истории права здесь главное – вскрыть подлинное значение формально-юридического дискурса, его влияние на развитие трендов первого и второго типов. С ходу можно сказать, например, что абсолютизация значения развития западноевропейских формально-юридических стратегий в отечественной правовой истории не соответствует реальному положению вещей.

Что еще важно в этом третьем аспекте наложения энергично-правового дискурса на историю права, так это обнаружение базового ядра государственно-правовой идентичности, которое позволяет говорить о его ключевом значении для движения цивилизационно-культурного организма. При этом, полагаем, что государственно-правовая самоидентификация посредством ассоциативной принадлежности к иной, фактически самоиден-

тифицированной государственно-правовой традиции (например, западно-европейской или российской) не является состоятельной, поскольку она не содержит *личностных характеристик Беларуси*. Для этого, соответственно, необходимо выделить базовое ядро государственно-правовой идентичности. Считаем, что таковым является не что иное, как *духовная традиция* или, если говорить шире, – *доминирующая в обществе определенная «практика себя»*, которая, находясь в определенном отношении с культурной традицией, формирует цивилизационно-культурное поле, в том числе пространство государства и права. Как отмечает по этому поводу С. С. Хоружий, «духовная традиция – большей частью, внутренний, сокровенный фактор в жизни Культурного субъекта и его позитивной идентичности, ее истинная роль радикально расходится с ее незаметным местом в социальной фактуре. Но с нею связаны сами источники, родники этой идентичности, и она, безусловно, должна быть репрезентирована... некими средствами, адекватными ее природе, предельно чуждой всех рекламных, пропагандных, идеологических дискурсов» [16]. Надеемся, что отечественная историко-правовая наука, преодолев позитивистские установки осмысления правовой реальности, будет развиваться в направлении приближения к познанию правовой истории в соответствии с теми положениями, которые перед нами открывает неклассическая рациональность.

Литература

1. *Вайшвила, А.* Литовский статут: между прогрессом и регрессом / А. Вайшвила // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця): зб. навук. арт. – Мінск, 2009. – С. 31–37.
2. *Вудс, Т.* Как католическая церковь создала западную цивилизацию / Т. Вудс. – М., 2010. – 280 с.
3. *Голубева, Л. Л.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года як помнік прававой культуры беларускага народа / Л. Л. Голубева // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця): зб. навук. арт. – Мінск, 2009. – С. 25–27.
4. *Калинин, С. А.* Проблемы сущности права на современном этапе / С. А. Калинин // Jurisprudencija: Teisės socialinis veiksmingumas. – Mokslo darbai 9 (87). – Vilnius, 2006. – P. 92–99.
5. *Калинин, С. А.* Аб прыродзе дзяржавы і беларускай дзяржаўнасці ў першай палове XVI стагоддзя / С. А. Калинин // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця): зб. навук. арт. – Мінск, 2009. – С. 17–25.
6. *Ляшенко, А. Г.* Статут 1529 года в контексте концепции верховенства права / А. Г. Ляшенко, Г. В. Журбелюк // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця): зб. навук. арт. – Мінск, 2009. – С. 53–57.

7. Павлов, В. И. «Смерть» субъекта права или к вопросу о необходимости новой концепции «правового человека» / В. И. Павлов // *Философия права*. – 2010. – № 3. – С. 20–24.
8. Павлов, В. И. Методологические особенности осмысления отечественной государственно-правовой традиции на путях построения современной модели белорусского государства / В. И. Павлов // *Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму (да 480-годдзя прыняцця)*: зб. навук. арт. – Мінск, 2009. – С. 38–44.
9. Павлов, В. И. Необходимо ли взаимодействие богословского и юридического дискурсов или о возможности синергично-антропологической концепции права / В. И. Павлов // Научный богословский портал «Богослов.ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1313378.html>. – Дата доступа: 20.12.2010).
10. Павлов, В. И. Синергично-антропологическая концепция правового сознания (к постановке проблемы) / В. И. Павлов // *Право в современном белорусском обществе*: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 54–65.
11. Репина, Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л. П. Репина // *Одиссей. Человек в истории*. 1996. – М., 1996. – С. 25–38.
12. Российский ежегодник теории права. 2008. № 1 / под ред. д-ра юрид. наук А. В. Полякова. – СПб.: ООО «Унив. изд. консорциум “Юридическая книга”», 2009. – 872 с.
13. Тихвинский, С. Л. XVIII Международный Конгресс историков / С. Л. Тихвинский // *Вестник РАН*. – 1995. – № 3. – С. 259–261.
14. Филошкин, А. И. «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки / А. И. Филошкин // *Топос. Философско-культурологический журнал*. – 2000. – № 3. – С. 67–78.
15. Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб., 2007. – 677 с.
16. Хоружий, С. С. Концептуальная разработка экспозиции идентичности России как культурно-исторического субъекта / С. С. Хоружий // *Институт синергичной антропологии* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н. – Дата доступа: 15.11.2010.
17. Хоружий, С. С. Очерки синергичной антропологии / С. С. Хоружий. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 408 с.
18. Честнов, И. Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение: учеб. пособие / И. Л. Честнов. – СПб.: Знание, 2009. – 279 с.
19. Ankersmit, F. Historical Representation / F. Ankersmit // *History and Theory*. – 1998. – Vol. 28. – № 3.
20. McIntosh, Daniel. The Transhuman Security Dilemma // *Journal of Evolution and Technology*. – Vol. 21. Issue 2. – December 2010. – P. 32–48.
21. Sorgner, Stefan Lorenz. Beyond Humanism: Reflections on Trans- and Posthumanism // *Journal of Evolution and Technology*. – Vol. 21. Issue 2. – October 2010. – P. 1–19.